

МАРИ МАЛИНСКАЯ

РАЗВОД

18+

Мари Малиновская)

Развод

<https://litres.ru/74282943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды мы поняли, что от нашего брака ничего не осталось.
Оба
задыхались в нём. Я предложила развод, а он согласился — без колебаний.
Мы не делили имущество и не устраивали скандалов, решив остаться
хорошими родителями для нашей дочери. Мы думали, что сможем легко
отпустить друг друга, но жестоко ошиблись. Особенно когда наружу всплыли
тайны, о которых лучше было молчать

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	63
Глава 12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Маша Малиновская

Развод

Глава 1

Ритка, как всегда, опаздывает.

— Долбанные пробки, — падает рядом с Леной на диванчик и скорее тянет из трубочки коктейль, который мы ей уже заранее купили. — Я летела как могла, таксисту весь мозг склевала.

— Бедный, — хихикает Лена, — ему теперь нужна психотерапия.

Мы поднимаем стаканы с мохито и осторожно чокаемся, а потом тянем по глоточку.

— Ирина, правда, что вы с Шаповаловым разводитесь? — Рита вскидывает брови. Думаю, именно ради этого вопроса она так и торопилась на встречу.

— Уже. Сегодня утром развелись, — снова обхватываю губами трубочку, крепко сжав холодное стекло пальцами, чтобы Рита не заметила, как они подрагивают.

— Обалдеть, — качает она головой. — Что случилось? Он тебе изменил?

— Нет, что ты, — едва не закашливаюсь. — Мы просто приняли решение расстаться. Так нам обоим будет лучше.

Рита несколько раз в немом удивлении хлопает ресницами. Знаю, что она шокирована. Девчонки все в шоке.

— Ну и дура ты, Ирка, — выдаёт со смешком.

— Это ещё почему? — смотрю на неё непонимающе.

— Потому что он — владелец сети ресторанов, Ира, крутой бизнесмен, молодой, сексуальный и теперь свободный. А ты — тридцатидвухлетняя разведёнка с прицепом. Такими мужиками не разбрасываются, знаешь ли.

Мне хочется ответить ей, но все слова куда-то деваются. Внезапно в груди образовывается дыра. Странное холодящее ощущение, когда я вспоминаю сегодняшнее утро.

...

— Поставьте подпись здесь, — женщина с высокой причёской и жемчужными бусами на дряблой шее подсовывает мне журнал, прошитый у корешка нитками. — И здесь. И вы тоже.

Потом она ставит галочку и показывает, где расписаться моему мужу. Точнее, уже бывшему мужу. Почти, без пяти минут бывшему.

Ставлю свою подпись, задержав дыхание. Как когда-то задерживала и дрожащими пальцами выводила во время регистрации брака. Гордей тоже расписывается. Молча. На меня не смотрит.

— С этого момента вы официально разведены, — сообщает работница ЗАГСа.

Одно из моих самых болезненных воспоминаний детства

— день развода родителей. Когда отец пришёл и забрал чемодан, а мать ушла к подружке заливать горе вином. Мне было двенадцать, а моему брату Ромке шесть. Он плакал и не понимал, что происходит, а мне было страшно находится в два часа ночи с ним вдвоём в квартире, пока наши родители проживали этот сложный день кто как мог.

И вот сейчас, в эту минуту, мы с Гордеем делаем то же самое с нашим ребёнком. Нет, конечно же, не так остро и болезненно, сначала поговорили с детским психологом и постарались смягчить как смогли. Но даже если ваза падает не на кафель, а на ковёр и разбивается, осколки не менее острые и всё равно ранят.

На пороге мы оба почему-то останавливаемся. Друг на друга не смотрим. Я сжимаю в руках сумочку, а Гордей убирает ладони в карманы брюк.

По плечам бегут мурашки, когда обращаю внимание, что чуть дальше, у парадного входа, толпится свадебная процессия. Невеста вся в белом облаке из платья и фаты, молоденькая и красивая. Жених, довольный и смеющийся в ответ на шутки друзей. Счастливые. Красивые гости в ярком и разноцветном, родители со слезами на глазах, несколько детей лет семи, играющие в догонялки в красивых нарядах.

Они шумным ульем пытаются выстроиться на ступенях, чтобы запечатлеть на фото этот важный, счастливый день.

У нас с Гордеем тоже так было когда-то. Целых десять лет прошло с того дня. Я помню, как была счастлива, и сейчас

от этих воспоминаний в груди что-то остро покалывает.

— Ну вот и всё, Ирина, — говорит Гордей. Его голос звучит сухо и приглушённо.

— Вот и всё, — киваю ему в ответ, а у самой что-то теснится под рёбрами и вдох полноценный сделать не получается.

Мы расходимся каждый к своей машине. Он выезжает с парковки первым, а я ещё какое-то время просто сижу в салоне. Не чувствую уверенности в руках, чтобы взяться за руль. Сердце грохочет, ноги ослабли.

Я прикрываю глаза и откидываю голову, упираясь затылком в подголовник. Мне нужно привести пульс в порядок, прежде чем выезжать на дорогу. Но сердце стучит и стучит. Быстро-быстро.

А ведь это я сама предложила развод. А он ответил “хорошо” после недолгой паузы. Словно печать поставил.

Я в тот момент едва не задохнулась. Наверное, скажи он “нет”, возмутись, да даже пусть бы накричал — это бы стало знаком для меня. Тогда бы мы могли ещё попытаться побороться. За нас побороться.

Но это “хорошо”, сказанное тихо и как-то равнодушно, расставило все точки над ё.

Не было грязных скандалов и делёжки имущества, не было взаимных упрёков, измен и прочей мерзости. Мы не собирались ломать друг друга.

Мы просто решили отпустить. Без боли и взаимных ду-

шевных увечий.

Точнее, так мы думали. Думали, что сможем.

Но, кажется, мы жестоко ошиблись...

...

— Вон, кстати, и твой Гордей, — кивает Рита на окно. — Ой, точнее уже и не твой.

Я оборачиваюсь и вижу своего уже теперь бывшего мужа за окном. Он открывает пассажирскую дверь, и в машину к нему садится какая-то женщина. Высокая блондинка в бежевом пальто, красивая и статная.

В последний момент, прежде чем сесть в машину самому, Гордей поднимает глаза и мы встречаемся взглядами через оконное стекло. На мгновение. Но оно глубоко отпечатывается внутри меня.

Грудь больно обжигает. Мне должно быть всё равно, он теперь свободный человек, но почему тогда по всему телу разливается боль?

— Мда, Ирка, — качает головой Рита. — Ох и пожалеешь ты ещё, ох и пожалеешь...

Глава 2

Домой я возвращаюсь поздно и на такси. Вика осталась ночевать у моих родителей, так что меня встречает полная тишина.

Включаю свет в прихожей и скидываю туфли. Не спешу их убирать — пусть валяются. Кроме меня теперь сегодня никто не увидит беспорядка. Собственно, Гордей никогда и не делал мне замечаний по хозяйству, но я сама себя постоянно понукала и критиковала:

“Ты должна быть идеальной хозяйкой, Ирина”

“Никакая еда из кафе не заменит приготовленной дома”

“У каждой вещи должно быть своё место”

И всё в таком же духе.

А сегодня... сегодня я захватила с собой роллы из ресторана и бросила туфли как попало.

Прохожу в гостиную и опускаюсь в кресло. На самый краешек.

В квартире такая тишина, что тихий шелест стрелки часов на стене кажется слишком громким. Я всматриваюсь в темноту за окном, пытаюсь привыкнуть к пустоте. И в квартире, и в груди.

Иначе я представляла день нашего с Гордеем развода. Думала, что почувствую, как переступаю грань, как передо мною открываются новые двери, возможности. Новая жизнь.

Не то чтобы мне и старая не нравилась, но я стала чувствовать, что задыхаюсь. Мне не хватало воздуха. Не хватало полёта. Я стала терять себя, а когда поделилась переживаниями с Гордеем, он пожал плечами и ответил, что я надумываю. На следующий день купил нам с Викулей билеты на море.

Он так и не понял, что я говорила о другом...

Встаю и иду на кухню. Тут горит только светодиодная лента над столешницей, но мне хватает. Достаяю из холодильника бутылку белого вина и наполняю бокал до самого края. Беру в руку и замечаю, как он дрожит. Вот-вот расплескает вино.

— За новую жизнь, — говорю сама себе, поднимая бокал.

Только вот голос что-то горько звучит... И в горле першит неприятно.

Пью до дна. Залпом. Вино ледяное, и я почти не чувствую вкуса.

Глаза прикрываю и вижу... *его*... с той блондинкой.

Спицей в сердце ширяет — а вдруг он с ней давно? Ведь не мог же так быстро... за неделю до подписания бумаг съехал.

А если всё это время, пока я задыхалась в нашем браке, он уже был с ней?

Мы с Гордеем поженились, когда мне было двадцать два. Он был моей первой любовью, стал моим первым мужчиной. Я думала, что вытянула счастливый билет, так оно, собственно, и было. Надеялась прожить вместе до глубокой старости.

Его отец как раз вводил его в бизнес, а я пыталась укрепиться в полученной профессии. Спустя четыре года у нас родилась Вика.

Я ушла в быт и ребёнка, погрузилась в семейную жизнь с головою. Гордей продолжал быстрыми темпами расти в бизнесе, а после смерти своего отца возглавил его.

Мы были счастливы. Каждый наслаждался своей ролью. Идеальные: идеальный муж, идеальная жена, идеальный ребёнок.

А потом... что-то изменилось. Не знаю, в какой момент и что именно, но мы будто... стали чужими. Не сразу, конечно, и сами не заметили, как это произошло. Словно мы плыли, плыли, и только потом заметили, что между нами метры и метры водной глади. И уже не дотянуться даже кончиками пальцев.

Мы просто утратили нашу общность. Разговоры за ужином сводились к обсуждению успехов Вики в игре на фортепиано и занятиям с репетитором по английскому.

Мы больше не смотрели фото с последнего отпуска, лежа перед сном, не залипали вместе в сериале — теперь у каждого был свой. Не говорили о друзьях, ведь теперь у меня были свои подруги, а у него партнёры по бизнесу.

Нас больше не объединяло ничего, кроме дочери. Ну и секса. Он тоже был, да. Раза два-три в неделю без вдохновения.

Нет, конечно, оргазмы никуда не делись. Но... побледнел

тот дурманыщий эротический дух, та самая химия, так тянувшая нас друг к другу. Остался просто спорт. И оргазм в конце, чтобы легче было уснуть.

Мне становилось горько, когда я думала об этом. Когда пыталась отыскать искру в его взгляде, но не видела её.

И однажды после секса я ему сказала:

— Нам надо развестись.

А в ответ прозвучало то самое “хорошо”...

Желудок сжимается. Не стоило залпом пить столько вина, тем более я за весь день съела только салат из зелени с креветками.

Глубоко дышу, пока не перестаёт мутить, а потом забираю бутылку и роллы в гостиную. Сбросив платье прямо на пол, я открываю шкаф, чтобы достать халат, но взгляд останавливается на бледно-голубой мужской рубашке.

Почему она здесь? Гордей же все вещи забрал. А эту за-был, что ли...

Рука сама тянется и пальцы прикасаются к тонкой ткани. Скользят по ней, а потом крепко сжимают. Сдёргиваю рубашку с плечиков и сминаю в руках. Резко вытягиваю запах, который она хранит. Его запах...

Я сменила простыни и наволочки как только Гордей ушёл. В тот же день. Но подушка всё равно пахнет им. Слабо, едва-едва. Она пахла им целых десять лет, последние несколько из которых для меня в этом не было ничего особенного.

Но именно сейчас и именно эта рубашка вдруг вызывает

резкую вспышку возбуждения, накатившую так внезапно и мощно, что я задыхаюсь. Зажимаю её между ног и сползаю вниз на пол.

Что со мною? Что я творю? Почему я это делаю?

Может, это мой способ, моя потребность попрощаться и отпустить?

Я впитываю его запах до одурения. Лёгкими, кожей, всем нутром. Уже и не помню, когда так ярко его ощущала. Сжимаю бёдра сильнее. Во рту пересыхает.

И я кончаю. Так сильно и ярко, как не получалось все последние годы.

Глава 3

Я заканчиваю сводить таблицу, закрываю вкладки и выключаю компьютер. Успела!

Набрасываю плащ и одновременно вызываю в приложении такси, а потом выбегаю в приёмную.

— Ирина, ты уже всё? — окликает меня Саша, моя коллега.

— Да, отчёт Антону Марковичу я отправила, завтра перешлю примерные креативы, — киваю ей, про себя ругаясь на службу такси, которая до сих пор не подобрала мне машину.

— Я тоже заканчиваю. На кофе зайдём или ты торопишься?

— Сегодня никак, Саш, — копаюсь в сумке в поисках расчёски. Такси, слава Богу, очухалось, правда ждать почти семь минут. — Мне Вику до половины шестого нужно забрать из музыкальной школы. Так что по средам я точно пас.

— Ну давай, может, следующим разом, — улыбается Саша.

— Пока-пока, — машу ей и тороплюсь к лифту.

Без машины неудобно. Терпеть не могу ездить на такси, но своё авто пришлось оставить в сервисе. И сказали, забирать можно не раньше пятницы.

Пока еду в такси, пишу маме, что успеваю за Викой, и ей не придётся отпрашиваться с работы. Мама работает мед-

сестрой в детской поликлинике, и там начальство очень негативно относится к разного рода просьбам уйти пораньше.

— Вот здесь, пожалуйста, — показываю таксисту на ворота музыкальной школы, а то он, кажется, уж как-то сильно разогнался и будто мимо собрался.

— Понял, — кивает мужчина и тормозит.

Я выбегаю и тороплюсь ко входу. Занятие уже как раз закончилось, и Вика должна одеваться. Она знает, что без меня нельзя выходить, будет ждать в коридоре на лавочке.

Но едва я вхожу в фойе, слышу знакомые голоса.

— Представляешь, у меня сегодня наконец-то получилось сыграть эту сонату! Сколько мы мучились! Тамара Григорьевна меня похвалила, — радостно щебечет дочь.

— Ты у меня умница, солнышко, — отвечает ей мужской голос.

Тут я как раз поворачиваю за угол и вижу их — Вику и Гордея.

— Привет, мам! — Вика бросается ко мне и тянется поцеловать щёку. — А ты почему здесь?

— За тобой приехала, — киваю бывшему мужу, здороваясь.

— Так сегодня же среда — меня забирает папа. Ты забыла?

— Точно, — легонько хлопаю себя ладонью по лбу. — Действительно забыла. Ещё и волновалась, что опоздаю.

Чувствую себя растерянной. Стою и смотрю, как Гордей

помогает Вике надеть ветровку и ловлю неприятное ощущение, будто я не при деле. Лишняя в моменте.

После дня нашего развода прошёл месяц. Я нашла работу и пытаюсь активно влиться в социальную жизнь после шести лет, проведённых дома. Вернуться в профессию, доказать самой себе, что умею не только борщи варить и рубашки гладить.

Гордея за этот месяц видела нечасто и то мельком. Он приезжал за дочкой по средам и пятницам, а на следующий день привозил обратно, иногда даже не поднимался. Наверное, вот так нос к носу мы столкнулись впервые.

— Давай вещи, — протягиваю Вике руку.

— Так я же сегодня к папе. Мам, ты чего?

— Точно.

Хочется дать себе затрещину. Что-то я совсем закружилась, запуталась в днях.

— Но мы сначала в парк пойдём, на площадку. Там вату вкусную продают. Папа обещал мне банановую. Поехали с нами, мам, ты же всё равно без машины пока.

— А что с твоей машиной? — Гордей сосредоточено сводит брови.

— В ремонте, — коротко отвечаю. Не знаю, почему его это теперь волнует.

— Малыш, я вызову такси, пока поработаю дома, а вы с папой езжайте, — улыбаюсь дочке.

— Ну ма-а-ам! — Вика включает тот самый свой фирмен-

ный взгляд лапочки-зайки. — Ты и так очень много работаешь! Нужно хоть иногда отдыхать. Поехали!

Я понимаю, что она скучает. Нет, не по маме и не по папе. Она скучает по семье. Какой бы понимающей и умненькой она не была, Вика — всего лишь маленький ребёнок, любящий обоих своих родителей. Ей сложно осознать, что как было уже не будет.

Я поднимаю глаза на Гордея, пытаюсь понять, что он думает на этот счёт.

— Поехали, Ирина, — кивает, порадовав дочь, а потом мы тебя после парка к дому подкинем, там недалеко.

— Хорошо, — соглашаюсь я, и мы выходим на улицу.

Оказывается, машина Гордея припаркована прямо за воротами школы. А я мимо пробежала и не обратила внимания.

Он помогает Вике пристегнуться в кресле на заднем сидении, а я сажусь на переднее. Странно ощущать себя здесь, а раньше было так привычно. Частью жизни было, чем-то естественным. И запах в салоне, и ручка под локтем и даже едва заметная, только мне известная затяжка на полотне ремня безопасности, оставленная крючком моего пояса от плаща.

Гордей садится за руль и заводит машину. Я опускаю глаза и замечаю, что он ещё не снял обручальное кольцо. Надо же, забыл, наверное. Интересно, а его эта новая пассия из-за этого не высказывает недовольство? Или ей всё равно.

Перевожу глаза на свою правую руку и интуитивно сжимаю её в кулак. А я ведь тоже своё не сняла. Забыла, честное слово. Оно так привычно там сидит, что я даже и не подумала.

До парка едем молча. Вика негромко напевает песню из любимого мультика, Гордей следит за дорогой, а я... я пребываю в каком-то странном напряжении. Чувствую, что пульс повышен, хотя не замечаю, что прямо нервничаю. Да и с чего бы мне нервничать?

В парке Вика получает свою долгожданную банановую вату, съедает за пару минут и уносится со знакомой по детскому саду девочкой на карусель.

А мы с Гордеем остаёмся вдвоём. Повисает неловкость. Странная и необъяснимая, потому что мы десять лет вместе прожили. Какая уж тут неловкость...

Но тем не менее, мне хочется обхватить себя руками. Обнять. Закрыться. Даже не от Гордея, а от самой себя, от этих странных ощущений, возникающих рядом с ним вопреки здравому смыслу.

Лёгкий ветер доносит аромат его туалетной воды, и я борюсь с желанием сделать шаг в сторону, чтобы не чувствовать этот запах. Потому что... потому что он зарождает во мне что-то странное. То, что уже не должен. Непонятное волнение... Не такое острое, как в тот первый вечер с рубашкой, но как минимум напоминает о том моменте, и это уже выводит меня из равновесия.

Я молчу. Можно многое обсудить, у нас ведь дочь общая. Нам придётся взаимодействовать. Но все слова пропадают. Мысли смазываются. Поэтому я и стою молча, наблюдаю за тем, как Вика играет на площадке.

— Ира, у вас проблемы с деньгами? — внезапно спрашивает Гордей.

— Нет, с чего ты взял? — удивлённо смотрю на него.

— Вика сказала, ты много работаешь.

— Дело не в деньгах. Просто сложно снова вливаться в работу. Всё нормально у нас.

— Обязательно скажи, если возникнут какие-то трудности. Не хочу, чтобы вы в чём-либо нуждались.

С одной стороны вроде бы и приятно, что он заботится о дочери таким образом, но с другой... будто это некое неверие в меня и мои силы.

— Спасибо, но мы справляемся, — отвечаю твёрже.

— Хорошо, — кивает он и на несколько мгновений переводит на меня взгляд.

Меня будто током бьёт, когда мы встречаемся глазами. Покалывание по коже расплзается. Озноб ползёт по позвоночнику, а сердце пропускает удар.

Когда мы вообще в последний раз смотрели друг другу в глаза?

Я в который раз себе повторяю — это нормально. Развод — это травма. Даже без скандалов и интриг. Это травма для всех хотя бы потому, что десять лет жизни — не пустой звук.

Но даже при всей логике собственная реакция всё равно пугает меня.

Глава 4

Уснуть получается поздно. Я снова очень остро ощущаю пустоту. Пытаюсь увидеть в свободном вечере плюсы — принимаю ванну с пеной, читаю книгу, включаю сериал. Но как-то не заходит. В ванне расслабиться не получается. Вода сначала кажется горячей, потом холодной. В книге события и персонажи путаются. Если бы кто спросил, о чём я прочитала текст на десяти страницах, то я ответить, наверное, не смогла бы.

И с сериалом та же песня. Вроде бы и яркий, интересный. Герои красивые, костюмы супер. Вообще, я люблю исторические сериалы. Но сегодня совсем не воспринимаю. Скорее устаю, пытаюсь вникнуть, чем отдыхаю.

Наверное, до часу ночи точно стою на балконе. Просто дышу воздухом и наблюдаю, как за жилкомплексом по трассе, освещённой жёлтым светом фонарей, едут нечастые автомобили. Считаю их зачем-то. И это странным образом хоть немного меня расслабляет.

Утром, конечно, чувствую себя невыспавшейся. Голова тяжёлая, под глазами круги. Но нужно собираться на работу и приготовить вещи для Вики — мама заберёт её из сада пораньше и отведёт к логопеду.

Принимаю душ и сушу волосы. Слишком длинные, наверное, пора их отрезать. Гордей когда-то сказал, что ему нра-

вится, чтобы мои волосы были ниже плеч. Давно сказал, ещё мы только поженились. Вот я и носила длинные много лет. А теперь каре хочу. Запишусь в салон на пятницу после работы.

Едва успеваю натянуть юбку и набросить блузку, как в дверь звонят. Это очень странно, потому что, во-первых, я никого не жду, а во-вторых, минуя консьержа и домофон мало кто может попасть на этаж.

Тороплюсь в прихожую, на ходу застёгивая блузку, и включаю экран у двери. Там Гордей и Вика.

— Что-то случилось? — Тороплюсь открыть, чувствуя тревогу. — Заболела, что ли? Почему не позвонили?

— Мам, я поделку забыла. — Вика ныряет в квартиру, скидывает туфли и бегом бежит в свою комнату.

— Она вспомнила уже когда к саду подъезжали. Пришлось вернуться, — объясняет Гордей.

Странно видеть, как он стоит у порога и не проходит дальше прихожей. Будто и не жил тут десять лет.

Интересно, почему он звонил, а не открыл ключом? Может, думал, я тут не одна? Или... точно, он же, уходя, положил свою связку на полку у порога. Так и лежит там.

— Мам, ты не видела, куда я поделку поставила? — слышу голос Вики из детской. — Не могу найти.

— У тебя же на столе стояла. Викусь, давай быстрее, я на работу опаздываю уже.

Пока Вика выходит обратно, осторожно неся в руках ко-

робку с поделкой из шишек и отдаёт отцу, я надеваю плащ и беру сумочку. Такси в лифте вызову.

Вика в лифте и пока выходим болтает без умолку. Рассказывает, чем они с папой вчера занимались.

— А когда досмотрели мультик, мы играли в игру. Папа расстелил на полу такой большой плакат, и там нужно было передвигать фишки. Я в лес какой-то забрела, а он проиграл, когда случайно вышел к океану и попал в тупик.

Где-то под ложечкой начинает сосать, и мне кажется, что дочь вот-вот скажет что-то типа: “а выиграла в игру тётя такая-то. И ещё она приготовила вкусные блинчики”.

Но Вика добавляет:

— В общем, мы пришли к выводу, что вдвоём играть не особенно интересно. Ты, мам, тоже с нами как-нибудь попробуй.

— Как-нибудь попробую, — киваю ей и поправляю ласково косичку на плече.

На пороге подъезда Гордей раскрывает над дочкой зонт, мы прощаемся, и они уезжают. А я продолжаю ждать чёртового такси, которое присылает мне уведомление, что из-за погодных условий ситуация на дорогах ухудшилась, и время ожидания увеличилось. Ещё на тринадцать минут!

И даже по прошествии этих тринадцати минут машины не видно. В приложении показывает, что она стоит на повороте, а потом вообще поворачивает и начинает зачем-то объезжать дворы.

Блин! Да что ж такое! Засада какая-то. А сегодня ещё и совещание при директоре с утра. Опаздывать на него мне совсем-совсем не хочется, не тот это способ зарекомендовать себя как профессионала.

Пока снова нервно разглядываю карту в приложении и крутящуюся там на месте машину, не замечаю, как рядом тормозит авто.

— Садись, Ирина, подброшу.

Поднимаю глаза и вижу своего бывшего мужа. Он успел отвезти Вику в детский сад и уже едет обратно, а я всё жду своё такси.

Я иду на компромисс с некоторым внутренним дискомфортом и соглашаюсь. Благодарю Гордея и называю адрес офиса.

Мы перебрасываемся парой фраз о дочери и дальше едем молча снова. Дождь на улице усиливается, вода по стёклам уже сплошным потоком. На улице серо, на дорогах пробки. Но Гордей как всегда спокоен и сосредоточен. Ни одной эмоции на лице. Это меня всегда так бесило. Ну как можно быть таким, словно каменным?

А вообще, это потрясающая стрессоустойчивость. Наверное, завидовать надо.

— Здесь, пожалуйста, останови, — прошу его, когда подъезжаем к бизнес-центру, где располагается офис рекламного агентства, в котором я теперь работаю.

— Дождь же, давай ближе подъеду.

— Да тут три метра, а тебе потом разворачиваться.

Но Гордей всё же заезжает на парковку бизнес-центра и только тогда останавливается.

— Спасибо! — благодарю его снова и выскакиваю из машины. Я уже вот-вот опоздаю, нужно торопиться.

Зонт заело и решаю так добежать. Тут правда несколько метров, да и дождь почти стих. Так, капает немного. Но надо мною вдруг распахивается другой зонт.

— Ирина Геннадьевна, доброе утро. Промокните.

— Здравствуйте, Антон Маркович, — от дождя, оказывающегося, меня спас сам директор нашего агентства. — Благодарю за помощь.

— Помогать таким красивым женщинам для меня в радость, — улыбается он, а меня эта фраза, вроде бы как несущая комплимент, смущает. Я тоже улыбаюсь в ответ, но при этом чувствую себя странно. Внутри появляется противоречие. Соппротивление этому неожиданному знаку внимания от чужого мужчины.

И лишь когда за спиной слышится резкий шорох шин, понимаю, откуда это странное чувство.

Глава 5

— У тебя уже был секс? — Ритка вскидывает брови, заговорщически улыбнувшись, и прикладывается к стаканчику с кофе.

— Нет, — хмурюсь. Её вопросы мне почему-то неприятны. И вообще, я уже жалею, что согласилась в перерыве сходиться с ней на кофе. Иногда Рита сильно раздражает. — После развода месяц прошёл, Рит, какой секс. Им так-то занимаются с кем-то.

— И? — она хмыкает. — Целый месяц, Ира! А не *только* месяц. Ты уже *целый* месяц в разводе! И до сих пор никого не нашла. Не умеешь ты жизнью наслаждаться, Ирка.

— По-твоему, я прямо после ЗАГСа должна была прыгнуть к кому-нибудь в постель?

— А почему нет? — Она медленно мешает пластиковой палочкой кофе. — Думаешь, твой бывший тоже как монах живёт? О-очень сомневаюсь. Такие мужики долго одни не бывают. Ты вспомни, как он уже через пару часов после вашего развода уже какую-то бабу к себе в машину посадил. Думается мне, он и *до* развода не брезговал.

Чувствую рядом с Ритой жуткий дискомфорт. Она раздражает меня своими догадками и предположениями. Хочется плеснуть ей в лицо остатки кофе из своего стакана, хлопнуть ладонью по столу и уйти.

— Тебе много чего думается, Рита, — отвечаю холодно и поджимаю губы.

— Да ладно, Ир. А то ты сама об этом не думала. Сама сказала, что предложила развестись, а он согласился. Если бы не гулял на стороне, думаешь, так сразу бы отпустил? Значит, кто-то его крепко за яйца держит. К ней и поскакал как сайгак.

— Знаешь, Рит, мне пора, — резко встаю, забрав с диванчика свою сумочку. — У нас совещание вот-вот начнётся.

Разворачиваюсь и, запахнув плащ на ходу, скорее ухожу. До жути злюсь на подругу. Не понимаю, ей доставляет удовольствие ковырять чужие шрамы?

С Ритой вообще дружить непросто. Она будто всегда ищет возможность как-то поддеть, подшпилить. Иногда я задаю себе вопрос, зачем общаюсь с ней?

Возвращаюсь в офис и иду в свой кабинет. Снимаю плащ, поправляю волосы и раскрываю блокнот. Нужно пробежаться по всем пунктам внимательно. Антон Маркович перенёс совещание на послеобеденное время, и в конференц-зале нужно быть уже через десять минут.

— Ирин, идёшь? — заглядывает в мой кабинет Саша. — Народ уже сползается.

— Да, бегу уже, — хватаю телефон, блокнот и ручку. — Идём.

Большинство коллег уже расположились за длинным столом в конференц-зале. На мультимедийной доске загружена

и поставлена на паузу презентация. Присутствующие в каком-то приподнятом настроении, что обычно не характерно для совещаний. Но на нашей фирме в принципе царит очень творческая и благожелательная атмосфера. Я за месяц, что тут работаю, ещё не замечала, чтобы после вызова на ковёр к Антону Марковичу кто-то был в слезах или сильно расстроен. Не такой у него стиль руководства.

— Все уже собрались, отлично! — а вот и он входит в зал и все замолкают. — Сегодня у нас отличные новости и предстоит продуктивная работа.

Он занимает главенствующее место за столом и начинает совещание. Сообщает, что скоро нам предстоит работа с несколькими крупными заказчиками в разных сферах, и это отличная новость. Обещает разделить коллектив на креативные группы для работы с каждым заказчиком. Потом Антон Маркович заслушивает отчёты по разным направлениям рекламы по активным заказам. Каждого внимательно и с вопросами.

Я тоже отчитываюсь, хотя отсылала и по электронной почте. Но цель совещания в том, чтобы все присутствующие специалисты были в курсе.

— Процент обращений к заказчику после размещения баннеров наружной рекламы на билбордах и заборах по улицам Васильева и Орджоникидзе вырос... — поднимаю глаза на начальника и вдруг сбиваюсь. — Вырос на... на одиннадцать процентов.

Он смотрит на меня как-то по-особому. Не так, как на других коллег. И от этого мне неудобно. Не в смысле приятно-волнительно, а именно некомфортно.

Я никогда не позволяла себе флиртовать с другими мужчинами, да и совсем не хотела этого. А если кто-то и пытался, то давала понять, что мне это не нужно и бесполезно. Обычно срабатывало, ведь я сама себе объясняла, что это неприемлемо, я ведь замужем.

А сейчас... сейчас отпор взглядом дать не получилось. Ведь нет за спиной этой стены под названием “замужем”, и как будто почва зыбкой стала под ногами.

Чувствую, как щёки начинают теплеть под взглядами коллег. Сжимаю сильнее в пальцах ручку, чтобы совладать с собой, и продолжаю отчёт уже более твёрдым голосом.

— Ирина Геннадьевна, это хороший показатель, — едва, уголками губ, улыбается он, но взгляд такой же цепкий и изучающий. — Вам не стоит волноваться, у нас тут все свои. Дружная семья.

— Спасибо, — не выдержав опуская глаза и интуитивно прикасаюсь пальцами к обручальному кольцу, словно оно должно как-то меня поддержать и придать уверенности и защиты. — Я за это время успела заметить.

После совещания народ толпится у кофемашины. Я же ухожу в свой кабинет, мне хочется побыть одной немного. А когда тоже выхожу за кофе, надеясь, что очередь уже рассосалась, то меня там застаёт Антон Маркович.

— Любите чёрный? — Останавливается рядом и засовывает ладони в карманы брюк.

— Да, предпочитаю американо.

— Отличный выбор, — кивает улыбнувшись. — Кстати, в кофейне на первом этаже хороший кофе, в том числе американо. Не хотите после работы выпить?

“Целый месяц, Ира! — вспоминаются слова Риты, что она сказала утром. — Думаешь, твой бывший тоже как монах живёт? Сомневаюсь!”

В голове проносится целый видеоряд: вот я пью кофе с Антоном Марковичем, вот мы едем к нему, пьём вино, он берётся за пуговицу на моей блузке, а потом прикасается пальцами к обнажённой коже груди...

Внезапно к горлу подкатывает комок тошноты. Знаю, что это не нормально, да и Антон Маркович мужчина весьма привлекательный. Ему-то, кажется, и сорока нет. Но мне сложно представить, как мы займёмся сексом. Только при мысли об этом моё тело начинает странно реагировать. Будто покалывание по коже проходится. Неприятное такое, холодное. Хочется обхватить себя руками, прикрыться.

— Всего лишь кофе, Ирина, — снова улыбается он, заметив моё замешательство.

— С удовольствием, но не сегодня, — стараюсь быть вежливой. — Дочь нужно забрать из детского сада.

— Ловлю на слове.

Подмигнув, он уходит в свой кабинет, а я забираю чашку

и иду в свой. Замираю у окна, пытаюсь отогнать то неприятное чувство, которое зародили дурацкие картинки в голове, спровоцированные словами Риты и вроде бы как невинным предложением Антона Марковича, и понимаю, что снова сжимаю пальцами так и не снятое обручальное кольцо.

Глава 6

После работы, как и собиралась, еду в салон. Мне всегда нравился глубокий каштановый цвет моих волос и после единственного эксперимента в восемнадцать с блондом, смотревшимся на мне ужасно, будто яичный желток по голове размазали, я больше волосы не красила. Мне с ними вообще повезло — густые, пышные, чуть завиваются на кончиках. Подружки не раз с завистью говорили: “Ира, везёт тебе! Встала, голову помыла, расчесалась — и красotka! На всё про всё полчаса максимум”.

Но сейчас я хочу изменений. Цвет вряд ли решусь перекрасить, а вот длину обрежу.

— Мне что-нибудь... другое, — объясняю стилисту. Раньше я ходила к другой девушке, но она недавно ушла в декрет, так что как раз: новый стилист — новая причёска. — Каре, может.

Девушка придирчиво осматривает мои волосы. Вертит их в пальцах, оттягивает.

— Хорошо, — отвечает коротко и приступает к работе, уточнив лишь, будем ли отрезать чёлку.

Через час я встаю с кресла и ближе подхожу к зеркалу. Трогаю свои волосы, которые больше не спадают за спину, а едва достают ровной до остроты линией среза до основания шеи.

Чувствую себя какой-то другой. Вроде бы всё то же, только волосы короче и гладкие, но... я другая. Ощущение внутреннее скорее.

— Мне нравится, — говорю стилисту честно, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую. — Очень.

— Супер! — радуется девушка, что клиентка довольна.

Она даёт мне рекомендации по уходу и укладке, и я — новая Ира — отправляюсь домой.

Мне хочется увидеть себя обновлённую, себя другую. Примерить образы. Поэтому первым делом, когда приезжаю, я распакиваю шкаф и достаю свой гардероб. Надеваю то лёгкое свободное платье, то строгий костюм, то джинсы с футболкой. В любом образе нравлюсь себе!

Но больше всего в любимом белье. С такой причёской и в чёрном кружевном комплекте кажусь себе какой-то... более порочной, что ли.

И ловлю себя на мысли, что представляю, а как быотреагировал на меня такую Гордей. Именно вот так — когда я в белье.

Ему всегда нравились мои длинные волосы. Когда-то он даже говорил об этом, часто их трогал, пропуская между пальцами, или крепко сжимал в кулаке в порыве страсти.

Когда-то...

Давно. Не месяц назад, когда мы развелись. И не год. А когда-то...

Дочери моя причёска нравится, когда я забираю её от ма-

мы.

— Тебе идёт! — с восторгом и особой осторожностью она трогает своими ручками мои волосы. — Я когда вырасту, тоже так хочу. Коса надоела.

— Если надоела, то не обязательно ждать, пока ты вырастешь. Как решишься, то поедem и подстрижём.

Бабушка, конечно, тут же хватается за сердце. Коса у Вики шикарная. Но она сама имеет право решать. Для маленьких девочек и на короткие волосы тоже есть красивые причёски и украшения.

— А папа что скажет? — сводит брови дочка, глядя с сомнением.

Хочется сказать: а это не ему решать.

Но я так не могу. Нельзя никоим образом обесценивать отца перед ребёнком.

— Думаю, он скажет, что ты у него очень красивая, — целую её в носик. — С любой причёской.

Попрощавшись с родителями, я вызываю такси. Пока едем с дочкой домой, у меня звонит телефон.

— Ирин, привет! — Слышу в трубке звонкий голос подруги. — Можешь говорить?

— Привет, Дашуль, да! — Искренне радуюсь её звонку. Сколько мы не связывались? Уже, наверное, около полугода. — Могу! И очень хочу! Где вы? Как Георгий?

— Всё хорошо, Ириш, — голос у Дашки звенит, она счастлива и довольна жизнью — это чувствуется. — Жора полу-

чил повышение, теперь он будет управлять отдельным филиалом.

— Это же круто!

— Филиал фирмы в Турции, и приступает он уже через неделю, представляешь?

Дашка — моя университетская подруга. Мы крепко дружили, а сразу после пятого курса она уехала жить во Францию. Я скучала, конечно. Там Даша познакомилась с Георгием, он русский, и они вернулись снова в Россию. Было классно снова общаться вживую.

— Я поздравляю вас! — говорю абсолютно искренне. — Но буду скучать, Дашуль. Ты пиши почаще.

— Конечно! — восклицает она, а потом хнычет: — Я то-о-оже, Ириш, тоже буду скучать.

Мы хоть в последние годы и не так часто встречались, потому что семья и ребёнок вносят свои коррективы даже в самую крепкую дружбу, но я всё равно буду скучать.

— Ир, в это воскресенье мы планируем прощальную вечеринку в ресторане “Рамми”. Буду ждать тебя.

— Обязательно буду, Даш! Мама в воскресенье выходная, оставлю Вику с ней. Они как раз собирались в зоопарк днём съездить.

— Отлично! — Она посылает мне звуковые виртуальные поцелуи. — Слушай, Ир, — её голос внезапно становится серьёзным, и она даже как-то замедляется, будто решается, говорить мне это или нет. — Гордей тоже приглашён. Ты же

понимаешь, они с Жорой много лет уже как дружат...

— Да без проблем, Даш! Мы с Гордеем не избегаем друг друга, — уверяю подругу. — Вам не нужно выбирать, дружить с ним или со мною. Всё в порядке.

— Ну тогда до встречи! В сообщении пришлю время.

— Буду ждать. Пока-пока.

Даша отключается, а я продолжаю сжимать телефон в руке, засмотревшись в окно машины, и вздыхаю. Конечно, нет никакой проблемы в том, что мой бывший муж тоже будет на этой вечеринке. Мы действительно не избегаем друг друга. Но... но... всё же какое-то странное чувство внутри копошится. Это не быстрая встреча возле подъезда, когда он привозит или забирает дочь, это праздник, где мы будем находиться долго. Где он будет веселиться, смеяться, пить алкоголь.

Куда он может прийти с другой женщиной.

Тревожная мысль оформляется в конкретную словесную оболочку, и я понимаю, насколько неприятно она колет.

Мы в разводе, он имеет полное право, но мне этого видеть просто не хочется. Я не готова. Одно дело понимать, что мы больше не вместе, но совсем иное видеть, что у него другая. Это почему-то причиняет боль.

Знаю, пройдёт, просто десять лет — долгий срок. Привыкаешь к человеку и чисто с этой стороны принять сложно изменения. Но они необходимы, если другого пути нет.

Что ж, нужно просто настроиться на вечер с друзьями. Я

буду рада видеть Дашу и Георгия, и даже уверена, что они не забудут оценить мою новую причёску.

Глава 7

“Рамми” — одно из тех заведений, в котором гармонично соединяются современный дизайн и классика. Роскошь и комфорт. Великолепные хрустальные люстры, удобные диваны и деревянная отделка создают уютную атмосферу. Можно вполне уместно чувствовать себя как в элегантном вечернем платье, так и в деловой одежде или даже в свободном стиле. А ещё здесь просторно, что лично для меня является моментом комфорта. Мне не нравятся заставленные залы, в которых не пройти между столиками. И еда, конечно же, под стать.

Мы тут праздновали нашу с Гордеем свадьбу, юбилей, приходили на пятилетнюю годовщину. “Рамми” всегда вызывал положительные эмоции, а сейчас я останавливаюсь на минуту, выйдя из такси, замираю перед входом. Впервые сюда одна приезжаю.

Вхожу внутрь и отдаю пальто гардеробщику. Останавливаюсь у зеркала на минуту, глядя на себя. Поправляю и так идеально лежащую новую причёску.

Мне нравится, как я выгляжу. Чёрное атласное платье облегает силуэт, чётко следуя за линиями моего тела до середины голени. Тонкие бретели и свободный лиф открывают плечи, но скрывают декольте. Я надела минимум украшений — только браслет и серьги. Ну и шпильки. Обожаю шпиль-

ки, хотя так редко их надевала — некуда было.

Уверенно вхожу в зал и вижу, что вся компания уже собралась. За длинным столиком на диванах расположились Даша с Георгием, её сестра с мужем, наши общие знакомые Роман, Наталья и Сергей. И Рита, к сожалению, тоже здесь.

Как и Гордей. Он один. Если, конечно, его пассия не отошла куда-нибудь в уборную. Хотя, если судить по свободным местам у стола, то, скорее всего, он всё же пришёл один.

— Иришка, привет! — Даша тут же поднимается мне навстречу. — Я так ждала! Уже все в сборе.

— Всем добрый вечер, — здороваюсь с присутствующими и целую в щёку Дашу.

Выглядит подруга прекрасно. Немного поправилась, но ей идёт. И, главное, глаза светятся. У них с Георгием уже который год страсть не утихает, и они это совершенно не скрывают. Ни в соцсетях, ни в жизни.

— Ира, ты выглядишь как богиня! — шепчет на ухо Даша. — Шикарная, девочка моя! И тебе очень идёт каре. Я раньше не видела тебя со стрижкой. Давно ты волосы обрезала?

— Буквально позавчера, — отвечаю с улыбкой. — Сама пока привыкаю.

Мы присаживаемся за стол, и Георгий, подчеркнув, что теперь все в сборе, предлагает тост. Настаивает, чтобы первый был не за их отъезд, а за многолетнюю искреннюю дружбу, связывающую всех нас.

Мы поднимаем шампанское, я делаю глоток и, лишь опу-

стив бокал, поднимая глаза на Гордея. Внезапно оказывается, что в этот самый момент и он смотрит на меня. Внимательно, пристально, с интересом. Таким, которого я не замечала на протяжении последних нескольких лет.

Наверное, дело в новой причёске. Ему просто непривычно.

— Гордей, будь добр, передай сок, — вдруг вклинивается в нашу стыковку взглядами Рита. Которая, к слову, нашла себе место прямо рядом с моим бывшим мужем.

Она так обаятельно ему улыбается, будто я, его бывшая жена, не сижу прямо напротив.

— Спасибо, — кивает и делает глоток из стакана, в который Гордей ей наливает сок из графина, так, будто пробежала несколько километров и испытывает жуткую жажду.

Нам приносят и ставят на стол закуски: брускетту с лососем и авокадо, канапе с бородинским хлебом, овощи, капрезе и закуски из рыбы. Гордей обожает рыбу в любых вариантах, и едва тянет, чтобы положить себе в тарелку, его тут же опережает Рита.

— Надо же, я тоже обожаю сёмгу! Хотела положить себе, и тебе заодно положу.

— Спасибо, Рита, — кивает он, озадаченный такой приткостью. — Но я и сам бы мог.

— Да мне не сложно, — она вся аж светится, а мне становится противно. Неужели она правда считает это нормальным?

Ну то есть формально он, конечно, свободный мужчина. Но я грешным делом думала, что оказывать знаки внимания мужу подруги, пусть и бывшему, это моветон. Однако, похоже, не для всех. Рита, пожалуй, решила, что Гордей — бесхозный котёнок, требующий ласки и заботы.

Как там она сказала — такими мужиками не разбрасываются.

Замечаю удивлённый и даже смущённый взгляд Даши. Она будто извиняется за всю эту ситуацию. Но ей не за что просить прощения.

Мы поднимаем второй бокал, за ним третий. Обычно я не налегаю на алкоголь, но сегодня мне хочется. В пределах разумного, конечно, но всё же.

Даша и Георгий рассказывают о своём последнем путешествии в Малайзию, говорят, что теперь мечтают побывать на ледоколе на круизе в Арктику.

— Но это позже, сейчас нам предстоит влиться в рабочий процесс в Турции, — остужает планы мужа Даша.

— Конечно, солнышко, — он, не смущаясь, целует её прямо при всех и немного дольше, чем позволяют приличия.

Всегда им в какой-то степени завидовала. Они могут вести себя свободно, раскованно, так, будто мы не взрослые и не в ресторане, а где-то в дворовой подростковой тусовке. Могут держаться за руки, могут поцеловаться в засос или посмеяться с только им двоим понятной шутки. И это спустя столько лет брака. Волшебно, что они сумели сохранить это.

— Я хочу танцевать! — заявляет Даша. — Хочу веселиться в кругу друзей, которых мы теперь увидим нескоро. Георгий, попроси, пусть громче включают музыку.

Уже через пару минут он возвращается от музыканта и приглашает жену на танец. Наталья и Сергей тоже поднимаются.

— Ирина, я могу тебя пригласить на танец? — спрашивает сидящий рядом Роман.

А, собственно, почему нет?

— Конечно, — улыбаюсь и вкладываю свои пальцы в ладонь Романа. — С удовольствием.

Усилием воли останавливаю себя, чтобы не посмотреть на реакцию Гордея. Пусть вон с Ритой идёт танцевать.

Роман, конечно же, ничего лишнего себе не позволяет. Аккуратно кладёт руку на талию и выдерживает между нами допустимое в танце расстояние.

Мы болтаем ни о чём. О погоде, о детях (у него тоже есть дочь), он рассказывает, как был на медицинской конференции совсем недавно, и что у человечества есть надежда на то, что, возможно, скоро появится препарат от некоторых неизлечимых болезней.

Но как бы ни был тактичен Роман, я всё равно чувствую жуткую скованность. Надеюсь, что алкоголь её снимет, но вышло наоборот. Мне не комфортно быть рядом с другим мужчиной. Понимаю, что это временное явление, и оно обязательно пройдёт. Просто раньше ни один мужчина, кроме

Гордея, не прикасался ко мне. Нужно перестроиться, но на это психике требуется время — я это понимаю.

— Мне нужно в уборную, — извиняюсь перед Романом, едва дождавшись окончания песни. — Скажи, пожалуйста, Даше, что я скоро вернусь.

Роман кивает и возвращается к столу, а я иду к другой стороне зала. Уборная там как раз за закрытыми небольшими кабинками.

В туалете открываю холодную воду и подставляю под неё запястья. Лицо умыть не получится, не испортив макияж, но остудить руки мне всегда помогает, чтобы немного прийти в себя.

И всё же алкоголь своё даёт. Ноги на каблуках не такие устойчивые, а сердце гоняет кровь быстрее. В глазах блеск, и щёки чуть розовые.

Но после холодной воды на руки и немного на грудь становится лучше. Я закрываю воду и выхожу, чтобы вернуться обратно в зал. Снова иду мимо закрытых, спрятанных в тяжёлых бархатных занавесках кабинок, и вдруг мой слух ловит звуки.

Совершенно определённого характера звуки.

Глава 8

— Ещё, давай, пожалуйста, ещё! — Слышу надрывный шёпот и узнаю в нём голос своей подруги. — Жёстче, Жора, жёстче! Да! Как я люблю... Ох, ещё...

Почему-то впадаю в ступор, а сердце начинает стучать гулко. Я впервые слышу, как кто-то занимается сексом. Не в кино, а в реальности. Да и в кино я видела только в обычных фильмах, а там показывали лишь красивые фрагменты. Здесь же всё в реальности и совсем близко.

— Шире раздвинь, ещё шире, — теперь уже слышу голос Георгия. — Давай, лисичка моя, давай!

Их тела бьются друг о друга с влажными шлепками, дыхание сбивается, приглушённые стоны больше похожи на мольбы. Они так увлечены друг другом, отдаются без остатка.

Почему я не уйду? Почему стою и слушаю, как трахаются мои друзья?

Мне бы побыстрее уйти, вернуться в зал и забыть то, что я услышала, но вместо этого я стою, будто к месту приросла, слушаю и сжимаю зубами ноготь на указательном пальце.

А потом... потом, будто в тумане, осторожно отодвигаю тяжёлую занавеску. Совсем немного, но в эту маленькую щелку всё видно.

Даша сидит прямо на столе, широко раскинув ноги и вы-

гнув спину назад, а Георгий жёстко и быстро вбивается в неё, крепко удерживая за бёдра.

Им так хорошо, что я не могу заставить себя перестать смотреть. Чувствую, как по телу идут горячие волны, а во рту пересыхает. По затылку бегут мурашки, а мелкие волоски на плечах встают дыбом. Чувство стыда и возбуждение переплетаются так тесно, что я не могу понять, что именно запускает этот ток по венам.

— Я кончаю, уже вот-вот, — горячо шепчет Жора, — давай!

Он резко отходит от Даши, а та моментально стекает на пол и, встав на колени, открывает рот. Георгий погружает в её рот свой крупный член и низко рычит, запрокинув голову.

В мой затуманенный мозг вдруг пробивается мысль, что они вот-вот будут выходить и тогда заметят меня! Я ведь сгорю дотла тогда на месте.

Тряхнув головой, разворачиваюсь, намереваясь скорее уйти, и вдруг натыкаюсь на Гордея. Нос к носу. Прямо тут, у самой шторы, за которой всё ещё пытаются отдышаться Даша и Георгий после секса.

Секса, за которым я так бесстыдно наблюдала.

И об этом знает Гордей...

— Рубашку поправь, — раздаётся совсем близко возле шторы с другой стороны. — Жора, у тебя пуговицы не по порядку.

Внутри всё леденеет от понимания, что сейчас и они пой-

мут, что я их подслушивала. Но Гордей не даёт этому случиться. Он хватает меня за запястье и затаскивает в соседнюю кабинку. Как раз в момент, когда Георгий показывается из-за шторы.

Задерживаю дыхание, боясь даже шевельнуться, пока их с Дашей шаги не стихают. И только потом понимаю, что Гордей стоит так близко, что между нами едва можно ладонь плашмя вставить.

А ещё он смотрит на меня. Так, что дыхание перехватывает и кровь в момент вскипает. В полутьме кабинки, драпированной тёмно-красным бархатом и освещённой слабым бра, замечаю, как в его взгляде плавится обжигающая тьма. Губы сжаты в узкую полосу, желваки натянуты, а дыхание глубокое и горячее. Я кожей его чувствую.

Он опускает глаза и медленно скользит своим обжигающим взглядом по моей шее и вниз до самого лифа платья. Мне кажется, на коже останутся ожоги.

Очень медленно Гордей скользит пальцем по моему обнажённому плечу и поддевает тонкую бретельку платья, перекатывает её между указательным и большим пальцами, а потом спускает с моего плеча.

Я знаю, что мы не должны. Знаю, что нужно остановиться, ведь мы уже поставили точку. Подписали её в ЗАГСе...

Но я словно в тумане. Мозг пытается соображать, но каждая здравая мысль обрывается и тонет. А тело... оно уже всё решило. У него свои желания.

Когда ладонь Гордея ложится на мою оголившуюся из-под лифа платья грудь, я глубоко втягиваю воздух через нос и прикрываю глаза.

Его прикосновения такие привычные и вместе с тем ощущаются иначе. Острее, что ли. Или это я сегодня будто оголённый провод...

Соски твердеют до боли и мне приходится закусить губу, когда Гордей начинает сжимать и мять доступную ему грудь, перекатывать и мягко оттягивать сосок. Едва получается устоять на ногах, когда вторая рука его поднимает подол моего платья и пробирается между ног.

— Охренеть, — едва слышно выдыхает мне в шею, погружая пальцы во влагу между моих бёдер.

Я не просто мокрая. Я просто неприлично мокрая. А прилив крови к половым губам вызывает даже лёгкую боль.

Мне так хочется, чтобы Гордей нажал там сейчас сильнее. Чтобы дал освобождение. Сжимаю его руку бёдрами и не удерживаюсь от тихого стона.

Но он мне отказывает. Вместо этого убирают руку, и меня тут же захлёстывает жгучее разочарование. Но страдаю я недолго, потому что уже через мгновение он разворачивает меня и, задрав платье, пригвождает к стене. Твёрдый как камень член врывается внутрь до упора, заставляя задохнуться в ощущениях, а на плече у самой шеи я чувствую впившиеся зубы.

Но мне не больно. Я будто в каком-то трансе. Возбужде-

ние настолько мощное, что сознание плывёт. Всё, чего я сейчас хочу — чтобы он взял меня, не жалея. Тело буквально вот-вот взвоет от сексуального напряжения, требуя разрядки.

Я зажмуриваюсь, когда Гордей начинает двигаться во мне. Совсем не так, как я ожидала, не быстро и неудержимо. Он входит медленно, но глубоко и мощно, заполняет до последнего миллиметра снова и снова. Выходит с оттяжкой и снова неумолимо входит, заставляя сжиматься на нём и едва ли не терять сознание от безумного желания получить свою награду.

Не знаю, сколько ещё он так истязает меня. Я теряюсь во времени и пространстве. Забываю, где мы, почему мы здесь, кто мы, в конце концов, теперь друг другу. А когда он, наконец, переходит на быстрый ритм, не сбавляя силы ударов, я уже и имя своё забываю.

Оргазм оказывается таким мощным, что, если бы Гордей не прижимал меня всем своим сильным телом к стене, я бы уже распласталась по полу.

Я никогда не слышала, как он стонет. Негромко, утробно, низко, едва слышно, но это сейчас произошло впервые. И отдалось где-то очень глубоко внутри меня.

Мы так и замираем в окутавшей нас тишине.

Секунда. Две. Три. Оттолкнувшись от стены, Гордей отлепляется от меня, но придерживает за локоть, пока я сама не обретаю устойчивость. Хотя, устойчивостью это назвать

сложно.

Он застёгивает брюки, я одёргиваю и поправляю платье. Стараюсь не думать о том, что у меня до середины бедра размазана собственная влага по ногам.

Холод реальности постепенно расползается между нами, напоминая, что нужно возвращаться в наше настоящее, где мы теперь чужие люди.

— Нужно вернуться в зал, — прочистив горло, говорит Гордей.

— Иди первым, — киваю ему, ощущая, как в носу начинает щекотать. — Мне нужно несколько минут, чтобы привести себя в порядок.

— Хорошо, — кивает он.

Мне действительно нужно собрать себя после случившегося. И не только физически. Нужно как-то уложить в голове то, что между нами только что произошло.

Я остаюсь одна в тишине и полутьме, когда он уходит. Здесь пахнет сексом и парфюмом Гордея. И совершённой ошибкой...

Глава 9

Я возвращаюсь в уборную и закрываюсь в кабинке. Снимаю свои трусики и выбрасываю их в урну — они полностью промокли. А ещё Гордей порвал их. Случайно. Но нежное кружево уже не восстановить.

Вытираю ноги, поправляю платье. У зеркала привожу в порядок волосы и немного поведённый макияж. Смотрю на себя, но в глаза избегаю. Я пока совершенно не знаю, что делать со случившимся и в каком ключе это обдумывать.

Сейчас мне нужно просто вернуться в зал, где все, и попробовать продолжить проводить вечер с друзьями.

Глубоко вдохнув и резко выдохнув, я уверенным шагом направляюсь обратно в зал. Музыка играет тише, а гости сидят за столом.

— Иришка, мы тебя потеряли, — улыбается Даша, а я пытаюсь не представлять перед глазами картинку с её участием, которую увидела менее получаса назад. В конце концов, что такого я увидела? Двое семейных, любящих друг друга людей занимались сексом. Ничего криминального.

— Выходила позвонить, — улыбаюсь и присаживаюсь на свой стул, ощущая в промежности дискомфорт после вторжения и мощного оргазма. Стараюсь замереть и не ёрзать, чтобы не тревожить сильнее. Без трусиков непривычно, но платье длинное, никто ничего не заметит.

Беру свой бокал и придвигаю Роману, который как раз взялся за бутылку. И только после этого мажу взглядом по Гордею.

Он выглядит так, будто десять минут назад не трахался со стенами, абсолютно спокоен и расслаблен. Сидит, откинувшись на спинку дивана и болтает с Георгием. Только рукава рубашки подвернул и верхние две пуговицы на рубашке расстегнул.

А ещё я замечаю взгляд Риты, прикованный к моему смартфону, лежащему на столе. И лежит он там давно, я не стала его брать в уборную.

Да, Рита, я не позвонить выходила.

Вечер продолжается в прежнем темпе. Алкоголь, болтовня, вздохи о том, как мы будем скучать. Дашка даже расплакаться успевает. С Гордеем мы избегаем смотреть друг на друга. Ну, точнее, я избегаю. И неоднократно ощущаю жар на коже — всегда так реагирую на его пристальный взгляд. Но ответить почему-то сил не нахожу. Потом.

— Иришка, пойдём со мной, — шепчет Дашка, склонившись к моему уху. — Хочу покурить, но не хочу, чтобы Жора знал.

Мне кажется немного странным скрывать такое от мужа, но это дело Даши.

— Идём, — киваю и выбираюсь из-за стола. Боковым зрением замечаю, как на мгновение замолкает Гордей в беседе и провожает меня взглядом.

Даша уже прилично пьяна, она подхватывает меня под руку и, хихикая, тянет на улицу. Я едва успеваю её уговорить, чтобы взять плащи в гардеробе. Холодно уже, как-никак.

Даша достаёт из кармана пачку тонких сигарет, прикуривает и затягивается, а потом с шумным выдохом и наслаждением выдыхает.

— Фу-ух, — облизывает губы. — Так хотелось курить, едва вытерпела.

— Георгий не одобряет? — Запахиваю плащ плотнее. Ветер поднялся холодный, под платье пробирается, и чулки не особенно спасают.

— Это мягко говоря, — качает головой. — Мы стали задумываться о ребёнке, Ир, вот готовимся заранее. Но знаешь, он такой педант, что у меня иногда нервы не выдерживают. Представляешь, он проверяет, не забываю ли я пить витамины. По количеству в пачке.

— Заботится, — улыбаюсь.

— Так-то оно да, но ты же знаешь, как я не люблю, когда мне рамки устанавливают. Я вон Турцию эту с содроганием жду. Придётся вливаться в их бизнес-сообщество, а там куча правил для женщин, сама понимаешь.

— Так ты не хочешь уезжать? — Смотрю на подругу с удивлением. Мне казалось, Даша в восторге от открывшихся перспектив и она безумно рада за своего мужа, которого готова поддержать в любом начинании.

— А у меня есть выбор? — усмехается с горчинкой. —

Это предложение от которого нельзя отказаться, Ириш.

Становится как-то грустно. Вот так со стороны ведь и не подумаешь, что Даша испытывает сомнения в том, хочет ли она такое будущее, в которое бросается с головой за мужем.

Каждая семья хранит свои секреты. Мы с Гордеем тоже казались идеальной парой для окружающих. Возможно, такими мы и были до определённого времени. И для самих себя в том числе.

Мы ведь даже второго ребёнка планировали, да никак не получалось. Ни у Гордея, ни у меня проблем со здоровьем не было, а вот зачать не выходило. А со временем и перегорело желание. У нас была уже Вика, этим и остались довольны.

— Ой, я бы тоже закурила, — к нам выходит Рита, а у меня настроение сразу же портится. Вниз ползёт, как столбик термометра в холодную погоду. — Кстати, Даш, там тебя Жора искал.

— Блин, — Дашка закусывает губу и тут же тушит и выбрасывает сигарету. — Побегу.

Она торопится вернуться к мужу, и я бы с ней ушла с удовольствием, но Рита явно пытается завязать разговор и приходится нехотя остаться.

— Странные у них отношения, — она достаёт свой вейп и затягивается. Вокруг начинает расплзаться приторный синтетический запах клубники. — Вот я курю и не буду скрывать, когда у меня муж появится.

Ну как появится...

Но вслух я решаю не говорить этого. Я вообще с ней разговаривать не хочу.

— Это их дело. Они муж и жена, сами разберутся, что им делать, — отвечаю уклончиво.

— Как вы с Гордеем? — Рот Риты, подведённый насыщенно-бордовой помадой, некрасиво изгибается, когда она пытается усмехнуться во время затяжки. — Только ой, вы-то уже не муж и жена.

Мне уже порядком её сарказм надоел, и я решаю прекратить эту словесную игру.

— И каким боком это всё касается тебя, Рита? — разворачиваюсь к ней и складываю руки на груди.

— Да таким, — она тоже смотрит на меня. Теперь уже не прикрываясь сарказмом, а с явно выраженной злостью. — Ты эгоистка, Ира!

— Не поняла тебя, — сдвигаю брови.

— Да что ты не поняла? — усмехается. — Думаешь, я не видела, как ты утатила Гордея? Где вы там вдвоём зависли... Думаешь, это было незаметно?

Честно — я в шоке. Даже не сразу нахожусь, что на этот выпад Рите ответить. Бред же несёт какой-то. Суший.

— А если и заметно, то что? — пожимаю плечами, всё ещё надеясь, что в уже бывшей подруге проснётся разум и логика.

— Да тебя же задело, что он мне внимание стал уделять, да? Это задело? Только я не могу понять, какого чёрта. Вы в

разводе. Всё. Точка. Гордей — свободный мужик.

Что ж...

— Рита, какое внимание? — теперь уже усмехаюсь я. Весь этот разговор выглядит настолько комичным, а точнее даже сюрреалистичным, что мне действительно становится смешно. — Или ты о том, как пыталась цепляться к нему?

— Такое, Ирочка, такое. Знаешь, ты прав на него больше не имеешь. Всё, забудь. Однажды я тебе его уже уступила. Больше такого не будет.

То ли у неё истерика, то лишнего выпила лишнего. Бред несёт какой-то.

— Рита, ты перебрала? — качаю головой. — Когда это ты мне Гордея уступить успела?

Она поворачивается ко мне всем корпусом, её брови взлетают вверх, а в глазах проскакивает вспышка.

— А разве Гордей тебе не рассказывал?

— Что он должен был мне рассказать? — в груди начинает печь. Слова Риты кажутся бредом, но они роняют в мою душу тревогу.

— Мы с Гордеем раньше были вместе.

Глава 10

Нет, эта майка не подойдёт. В офисе я часто снимаю жакет, так мне работать удобнее, а у этой шёлковой блузы без рукавов плечи узковаты и видно синяк — отметину, которую вчера в кабинке ресторана оставил на моём плече Гордей. И тут без вариантов что-то подумать, ведь чётко видно, что это укус — точки от зубов по кругу.

Поэтому я убираю безрукавку обратно в шкаф и надеваю шифоновую блузку с рукавами. Главное не прикасаться к саднящему месту, напоминающему о вчерашнем. А то я себя поймала на этом: и когда душ принимала зачем-то прикоснулась, и когда завтракала.

А ещё чувствую, что зависаю в своих мыслях. Слова Риты меня вчера зацепили. С одной стороны — ну были у них отношения и были. Это же было до того, как мы с Гордеем начали встречаться и поженились. До меня у него была жизнь, у меня тоже были отношения, пусть и не зашедшие дальше прогулок и лёгких поцелуев.

Другой вопрос, именно то, что и вызывает во мне царапающее внутреннее чувство, это почему Гордей мне более чем за десять лет так ни разу и не обмолвился, что у них с Ритой были отношения. Он ведь прекрасно знал, что мы подруги. Да и она молчала...

Это кажется странным и неприятным. Даёт тревожащий

осадок.

Пью кофе и вызываю такси. Завтра, наконец, я смогу забрать свою машину из сервиса. Ужасно надоело каждый раз ждать авто.

День на работе проходит спокойно. Антон Маркович сегодня в офисе отсутствует, уехал куда-то по делам прямо с утра и сказал, что до вечера уже не приедет. Мне и хорошо, признаться. Не придётся в очередной раз придумывать, почему я не пойду на кофе, а ведь он уже раз пять предлагал.

Но я не хочу. Просто не хочу и всё.

Однако, спокойным день перестаёт быть тогда, когда мне приходит сообщение от свекрови. Бывшей уже формально, но она не перестала ведь быть бабушкой моей дочери.

“Ирочка, я с электрички сразу к вам с Викулей, а потом Гордей меня ближе к восьми заберёт”

Ой-ой. Я ведь напрочь забыла, что Светлана Викторовна должна сегодня приехать. Просто из головы вылетело! А ведь нужно успеть теперь и за Викой в сад заехать, и в магазин за продуктами, и что-то хотя бы приготовить. Убратся не помешает. И на всё про всё у меня будет часа два. Негусто, скажем так.

В половину пятого я убегая. Снова сетую про себя, что моя машина не со мной, но делать нечего. На такси заезжаю в супермаркет, покупаю овощи, курицу и пирожные к чаю. Знаю, что Светлана Викторовна и сама привезёт что-то сладкое, но как принимающая хозяйка не могу не накрыть стол.

Со свекровью мы никогда не враждовали, но и подружками нас назвать сложно. Всегда были ровные, выдержанные отношения. И хотя Светлана Викторовна ни одного замечания никогда мне не сделала, всегда хвалила и просила к её визитам относиться рутинно, я так не могла. Мне казалось, что все мои косяки и недочёты, как хозяйки, сразу выходят на передний план. Старалась убраться, приготовить что-то к встрече.

И сегодняшний вечер теперь мне кажется катастрофой, потому что я не успеваю. Я попросту забыла, что она придет. А точнее, думала, что к нам с Викой она придёт завтра, а сегодня сразу Гордей с вокзала заберёт её к себе.

Пока еду в детский сад за Викторией, пытаюсь вспомнить, когда я протирала пыль вообще в гостиной, и не под самую ли крышку грязных вещей в корзине в ванной. И обязательно надо полить фиалки, которые Светлана Викторовна мне подарила в начале лета!

После сада с Викторией забегаем домой, я даже разрешаю ей сразу же увалиться с планшетом, чтобы посмотреть мультики. Хотя нет, не сразу, сначала велю убрать кукол, которых она ещё вчера оставила прямо на полу в детской. Сама же быстро обмазываю специями курицу, обкладываю картошкой и ставлю в духовку. Режу салат и красиво выкладываю на тарелку пирожные.

Точно! Фиалки же ещё!

В дверь звонят ровно через пару секунд, как духовка со-

общает, что время готовки вышло.

— Бабуля! — пищит Вика, выбегая вприпрыжку из своей спальни.

— Привет, моя ясочка, привет, моя зайка хорошая, — бросив сумку и пакет у порога, Светлана Викторовна тут же крепко обнимает внучку. — Ой, соскучилась по тебе, ягодка моя!

Пока внучка и бабушка заняты бурными приветствиями, я переставляю сумки свекрови на полку, забираю у неё пальто. Она, правда, протестует, говорит, что и сама может.

Вика же заливается слезами. Ей хочется рассказать бабушке сразу обо всём. И про садик, про стихи, которые ей нужно выучить, ведь на празднике урожая она будет играть саму Осень, и про поход с Гордеем в парк, где он покупал ей банановую вату, и про новую куклу, что подарила моя мама.

Пока они болтают, я накрываю на стол и зову свекровь. Та целует внучку в макушку и просит минут двадцать посмотреть мультики или поиграть, а сама подходит к столу.

— Ириша, ну что ты опять заморочилась, — опускается на стул. — Тем более, ты же работаешь сейчас. Ну когда тебе вот это вот всё делать?

— Да мне не сложно, — присаживаюсь на второй стул и понимаю, что я хоть и волновалась, но свекровь видеть действительно рада.

— Ой, кстати! — Она снова встаёт и уходит к своему пакету. — Я тут кое-что нам с тобой принесла, Ириш.

Возвращается Светлана Викторовна с бутылкой красного вина. Ставит её на стол и показывает на пробку, предлагая дать ей штопор.

— Давно не болтали, Ирин, — улыбается. — Пока Гордей за мною приедет, как раз пообщаемся. А то всё бегом да бегом обычно.

Я чувствую некоторое напряжение. Мама Гордея наш развод приняла. Расстроилась, конечно, плакала даже. Но приняла, сказав, что мы взрослые люди и нам решать, когда Гордей на вопрос что же случилось, ответил коротко, что мы приняли такое решение и оно обсуждению не подлежит.

Но сейчас мне почему-то кажется, что Светлана Викторовна всё же хотела бы знать хоть что-то. Горько её материнскому сердцу. Вот и взяла вино, чтобы по душам побеседовать.

Но говорим мы обо всём кроме нашего с Гордеем развода. И я ей за это благодарна. Светлана Викторовна рассказывает, что пошла на кулинарные курсы и ей там очень нравится. А ещё она познакомилась с одиноким импозантным женщиной.

— Знаешь, Иришка, я так растеряна была, когда Борис ухаживать начал. Я ведь только мужа любила, и после его смерти думала свой век одна доживать.

— Ну что значит доживать? — пытаюсь её подбодрить. — Вы ещё молоды, чтобы “доживать”. Жизнь так распорядилась. Не вините себя, что ответили Борису симпатией.

— Ответила, — качает головой. — Рыдала потом дома, но потом опять ответила. Анатолия моего вот уж как пять лет нет. Мы же жизнь прожили вместе, а я тут вертеть хвостом собралась... Точнее уже...

Мне действительно хочется поддержать её. Но слова подобрать непросто. С одной стороны не хочется обесценивать её память о покойном муже, с другой же хочется помочь осознать, что ей не стоит испытывать вину за новые отношения.

— И знаешь, что самое сложное, Ир? — она вздыхает. — Это сказать про Бориса Гордею. Боюсь представить, как он вообще отреагирует.

— Он взрослый человек, Светлана Викторовна, и вы тоже взрослый человек. Он всё поймёт.

— Он очень любил отца.

— И вас он тоже любит.

Свекровь закусывает губы и смотрит на меня. В её глазах я вижу острое сожаление, и оно сейчас не о ней, памяти её мужа и Борисе. Оно о нас с Гордеем.

Я опускаю глаза, не хочу переводить тему на нас. Свекровь понимает, и между нами повисает пауза. Но Светлана Викторовна сглаживает её. Она вспоминает о Гордее и его отце, о том, как они были близки. Как Анатолий Петрович поддерживал сына в студенчество и какие это были тёплые семейные времена.

А потом... потом то ли вино ударяет мне в голову, то ли червь, точащий со вчерашнего вечера душу даёт о себе знать,

но я вдруг спрашиваю.

— Светлана Викторовна, а у Гордея до меня были отношения с Ритой Милославской?

Глава 11

Светлана Викторовна на несколько мгновений замолкает, поджав губы, заставив меня задержать дыхание.

— Встречались они. Недолго, — она говорит, а у меня в груди разрастается горячая лужа. Неприятная, вызывающая отвращение и даже какой-то лёгкий озноб. — На втором курсе Гордей учился тогда. Так... погуляли месяцок-другой.

Месячок? Другой? Или пару лет, к примеру?

Второй курс — это же самый пик юношеского максимализма и расцвет первой любви. А с первой конкурировать непросто, часто заседает она занозой в груди на всю жизнь. У меня первой любовью был Гордей. А у него? Рита?

— Потом Ритка хвостом вильнула, сказала, что студентик ей ни к чему и нашла мужика постарше, с деньгами. А тот её и попёр через год, — пренебрежительно машет рукой Светлана Викторовна. — Она где-то ещё пару лет слонялась, а потом снова к нему пришла. О любви песни пела да сказки рассказывала. Да только Гордей тогда уже случайно встретил кареглазую звёздочку, от которой внучка у меня любимая, — она ласково улыбается, а я чувствую, как краснеют мои щёки. — Влюбился, никакие шлюшки ему были не нужны. Мы и рады с Анатолием были до потери пульса.

То есть, это она его бросила. И кто знает, какие чувства испытывал Гордей...

Но ведь дело совсем не в этом. Вопрос — почему он мне не сказал? Понимаю, почему могла молчать Рита, но Гордей? Он ведь знал, что мы с ней дружим. Познакомились около пяти лет назад в одном салоне красоты случайно. Мне маникюр делала одна мастер, ей другая за соседним столом. Болтовня завязалась, а потом Рита предложила выпить кофе. Маленькая Вика тогда спала дома под присмотром моей мамы, и я решила себе позволить немного пообщаться с милой девушкой. Мне хотелось общения в тот момент особенно, потому что дома был маленький ребёнок и всё моё время посвящалось ему.

Так мы и начали общаться. И Гордей знал! Рита домой к нам не раз приходила, а однажды после моего дня рождения даже осталась с ночёвкой. Перебрала немного, и мы положили её спать в гостевой спальне. Я видела, что Гордею это не нравится, но просто подумала, что ему Рита как человек не особенно приятна. Такое ведь бывает.

Но оказывается, они когда-то были парой. И мне не ска-
зали.

Чувствую себя обманутой. Пусть он не врал, но ведь не сказать правду — это тоже такой вид лжи.

— Бабушка, ну пойдём поигра-аем! — прибегает Вика, выручая меня из неловкой ситуации. Потому что свекровь явно замечает мою растерянность.

— Пойдём, малышка, — Светлана Викторовна встаёт и, бросив на меня осторожный взгляд, тактично воздерживает-

ся от вопросов и комментариев и уходит играть с внучкой.

Я убираю со стола и запускаю посудомойку. Стараюсь действовать механически и не думать о том, что эти десять лет жила во лжи. Конечно, можно сказать, что я преувеличиваю, что Рита и Гордей расстались задолго до того, как мы с ним познакомились, но... Вот это чёртово “но” и саднит! Неприятно так саднит.

В дверь раздаётся звонок. Гордей приехал за матерью. Я иду открывать и впускаю его в квартиру.

— Привет, — говорит он, внимательно глядя на меня.

— Здравствуй, — киваю и отхожу в сторону, приглашая.

— Ой, Гордей, ты уже приехал? — выглядывает из детской Светлана Викторовна. — Сейчас иду.

— Папа! — Вика вылетает из детской и с разбегу бросается Гордею на шею, а тот подхватывает её и подбрасывает вверх.

— Привет, мелочь, — ставит на пол и протягивает ей упаковку бисквитных медвежат. — Это тебе. Только утром съешь, сейчас уже поздно.

— Спасибо! Пап, а можно мы с бабушкой доиграем? Пять минуточек всего.

— Ладно, если только пять минуточек, — разрешает Гордей, и Вика убегает обратно в детскую, где её ждёт бабушка.

Сам Гордей проходит в зону кухни и опирается спиной на выступ на стене. Продолжает наблюдать за мною, сложив руки на груди. Я же делаю вид, что не замечаю этого. Подчёркнуто его игнорирую, пока вытираю стол, ополаскиваю и

набираю чайник.

— Почему ты не сказала вчера, что уезжаешь? — спрашивает негромко.

С момента решения о разводе между мной и Гордеем не произошло ни одной словесной перепалки. Ни одного эмоционального выброса. Но сейчас я чувствую, как эта волна подступает, накатывает и собирается накрыть меня с головой.

— А почему ты не сказал, что до меня встречался с Ритой? — выпаливаю, резко обернувшись к нему.

Во мне кипит злость. Мерзкая и удушающая. В районе груди так горячо, что хочется схватить стакан с ледяной водой и залпом выпить.

— Потому что это не имело значения, — пожимает плечами, явно удивлённый моим вопросом.

— Серьёзно? — складываю руки на груди, зеркаля его, и прищуриваюсь. — Вот так вот, да? Просто не имело значения, что ты когда-то спал с моей подругой? Ну то есть мы сидели в одной компании, алкоголь пили, праздники даже некоторые наши семейные отмечали, а ты даже не удосужился мне сказать, что она твоя бывшая?

— Да, Ира, я не видел в этом смысла, — Гордей отрывается от стены и засовывает руки в карманы брюк. Его, кажется, тоже разгоняет. Надо же, а я как-то подумала, что за последние годы он в принципе потерял способность испытывать и проявлять яркие эмоции. — Что бы это изменило? Ты бы

лишилась подруги, а вы дружили хорошо, хоть мне это было и не по нутру. То, что было между мною и Ритой, было и закончилось очень давно. Да и серьёзными те отношения назвать нельзя. Я просто не посчитал это важным, не хотел, чтобы ты огорчалась.

— Так это ты так обо мне заботился, надо же. А мне предоставить выбор решать, что чувствовать, ты не подумал?

— Прости, Ира, — замечаю, как на его скулах очерчиваются желваки. Злится. Вроде бы извиняется, а голос звучит натянутой струной. — Мне стоило сказать, что я когда-то в своей жизни вообще трахался, а мир настолько тесный, что ты знаешь ту, с кем я это делал.

— Да! С моей подругой!

— Тогда она ею не была.

— Зато потом стала! Что ещё хуже. И знаешь, что? Она потребовала тебя обратно.

Гордей вскидывает брови и усмехается.

— Серьёзно? А ты что?

Издевается? Отлично. Пусть.

— А мне-то уже какая разница? — выплёвываю в ответ.

И тут нам обоим приходится резко остыть, потому что в гостиную выходят Светлана Викторовна и Вика. В густом воздухе, заряженном электричеством ссоры, повисает секундное молчание. И дочь, и свекровь тут же считают напряжение, но обе решают смолчать.

— Ну что, сынок, поехали? — негромко спрашивает Светлана Викторовна. — Девочкам уже и отдыхать пора. Пока, земляничка моя, — целует Вику. — И ты, Иришка, отдыхай.

Свекровь приобнимает меня и как-то по-особенному пожимает руку, выражая свою поддержку. Мы хоть и не кричали, но, думаю, она могла что-то услышать.

Гордей помогает ей надеть пальто, и они уходят. Я запираю дверь и пытаюсь выдохнуть, но как-то не получается расслабиться. Клубок внутри всё ещё пульсирует.

Укладываю дочь спать и возвращаюсь на кухню. Наливаю себе ещё вина, что осталось в бутылке и падаю за стол. Чувствую себя выжатой, наэлектризованной какой-то. Эмоциональный всплеск не прошёл даром. Да он ещё и не схлынул полностью. Сердце бьётся быстрее. В пальцах покалывает. В груди копошится что-то странное, ворочается тревожно.

Я прогоняю в памяти последние годы и не могу вспомнить ни одной ссоры. Обиды — да. Молчаливый игнор — да. Но вот ссоры, с тем, чтобы высказать, что наболело, не помню.

Надо же. Чтобы поговорить, пусть и швыряя слова друг в друга, нам с Гордеем пришлось развестись.

Глава 12

— Антон Маркович ходит весь такой загадочный, — приглушённо говорит Саша, склонившись ко мне ближе через стол, будто нас тут в кофейне могут услышать. — Вот точно новый контракт грядёт. Поля говорит, крупный. Вопрос в том, кто будет возглавлять.

— Наверное же он сам, — предполагаю очевидное, отделив вилкой кусочек чизкейка.

— Ага, сейчас, — усмехается Саша и снова осторожно оглядывается, будто за стойкой не бариста, а тайный агент, который обязательно передаст её слова начальству. А лучше и спецслужбам. — Антон Маркович крупные проекты сам не ведёт. Он только курирует. Потому что для крупных проектов нужна вовлечённость и глубокая компетентность. Ну а ты сама понимаешь... у него то билеты в Турцию, то на Бали. То Нелли, то Ангелина. Не до вовлечённости.

— Ну, собственно, какая разница, кто поведёт проект. Работать всё равно всей командой.

— Всей. Но премию потом получать не всей.

— Как и делить ответственность.

— Резонно, — кивает согласно Саша. — Но знаешь, волков бояться — в лес не ходить. Мы тут не штаны протирать пришли. Чтобы деньги нормально зарабатывать, приходится брать ответственность. Но мне, конечно, не светит. Я тут

всего два года работаю. Думаю, или Филатову отдаст вести, или Жанне.

И тот, и другая — классные специалисты. Думаю, справятся оба. И надеюсь, что и меня в команду позовут. Если вообще этот крупный проект намечается. Может, это всё домыслы Полины — секретарши Антона Марковича.

Колокольчик у двери звякает, и в небольшую кофейню входит и сам упомянутый Антон Маркович.

— Девушки, обедаем? — подходит к нам и улыбается.

— Да мы уже, — отвечает Саша совсем другим голосом, нежели только что высказывалась мне. — Сейчас в офис пойдём.

Ну, времени у нас ещё достаточно. До конца обеда целых двадцать минут, а офис буквально в двух минутах ходьбы — соседнее здание.

— Отлично, а то я переживал, что прерву ваш обед, — он говорит мило, но на меня бросает взгляд серьёзный, отчего становится как-то не очень уютно. — Простите, Александра, мне нужно поговорить с Ириной. Это срочно, поэтому я не стал ждать окончания обеда. Дело не терпит. Понимаю, что бестактно просить вас прервать общение, но я вынужден. За это очень прошу меня извинить.

Саша замирает на мгновение, бросает озадаченный взгляд на меня, а потом согласно кивает.

— Да, конечно, Антон Маркович, без проблем, — она встаёт, забирает свой смартфон со стола и сумочку. — Ирин,

встретимся в офисе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.